

И. В. Головачева

«САМОСОЗНАНИЕ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ ОШИБКОЙ ЭВОЛЮЦИИ»: ОЛДОС ХАКСЛИ О ТОПОГРАФИИ СОЗНАНИЯ

Однажды во время обеда в клубе Атенеум в 1953 г. Олдос Хаксли высказал в присутствии Грейс Хаббл, жены знаменитого астронома, неожиданную мысль о том, что самосознание, возможно, является ошибкой эволюции. Когда Грейс впоследствии попросила его объяснить, что он имел в виду, писатель пояснил, что «самосознание это лезвие бритвы, по которому ходит человек. Оно необходимо для выживания, но, с другой стороны, оно же мешает истинному пониманию. Другая ловушка — вербализация»¹. Это парадоксальное высказывание — итог многолетних размышлений писателя над загадками сознания и его обширных изысканий в области психологии. Его воззрения на структуру, топографию сознания и его функции представляют междисциплинарный интерес.

Энциклопедичность познаний Олдоса Хаксли в области психологии — это один из факторов, который заставляет нас включать весьма внушительное количество персоналий, идей и направлений в критическое комментирование не только его художественных произведений, но и научной публицистики, составляющей большую часть его литературного наследия².

Олдос Хаксли еще в 1920-е гг. писал о специфической трудности, подстерегающей всякого, кто берется писать о сознании, как и о любой «невидимой сущности». В самом деле, работа сознания исключительно трудно поддается словесному изложению и требует метафорического, символического и сравнительного описаний. Посмотрим, как это удавалось самому Хаксли в разные годы. Заодно проанализируем и то, чем были вызваны изменения в предлагаемых им топографических описаниях.

В ранней статье «Образование» (*Education*, 1927) Хаксли решительно предостерегает от понимания сознания как своего рода ящика с отделениями, готового разместить в них все, что в него попадает. Сознание, подобно связанному с ним в единое целое телу — это живой организм, состоящий из частей, на самом деле не существующих отдельно от целого. Первая ошибка психологов, с его точки зрения, состояла в слишком серьезном отношении к собственным метафорам — так «живое сознание было низведено до простого вместилища». Психологи гиперболизировали, персонифицировали собственные абстракции. Хаксли приводит пример того, как благодаря Фрейду стало восприниматься *супер-эго*: «Фрейдистский цензор стал реальной личностью, проживающей внутри черепной коробки»³. Критикуя Фрейда, Хаксли напоминает читателю, что сознание — гораздо более сложное явление:

«Идеи не ассоциируются друг с другом внутри ящика, под названием сознание: они ассоциируются с живым организмом, чье главное стремление — это стремление осознать, найти значение. Чувства... не отпечатываются в памяти автоматически. Живой организм воспринимает их лишь тогда, когда они кажутся значимыми и, следовательно, достойными внимания. Сознание — не вместилище, которое можно механически заполнить»⁴.

В эссе «Личность и разрыв сознания» (*Personality and the Discontinuity of the Mind*, 1927) Хаксли впервые попытался метафорически представить совместное

функционирование сознательного и бессознательного, описывая их как взаимодополнительные сферы⁵. Подобно лодке, спущенной на воду, сознание сохраняет равновесие, балансируя между сознательным и бессознательным. Здесь, как нетрудно заметить, Хаксли пока следует классическим фрейдистским постулатам, согласно которым подсознание — это вместилище тайных «темных» желаний и деструктивных влечений. Однако Хаксли сетует на неудовлетворительность фрейдистской картины, оставляющей телесно-ментальную проблему без приемлемого объяснения. Между тем, говорит он, примеры того, как происходят нарушения в сознании под воздействием физиологических, ассоциативных и бессознательных причин, указывают на то, что разделение на тело и сознание явно искусственно.

В той же работе Олдос Хаксли замечает, что психологическому анализу должна быть задана некая этическая система координат. Таким образом, по его мысли, междисциплинарные рамки психологии могут быть раздвинуты, она должна дополниться новой моральной философией.

В лекции «*Кто мы такие*» (“Who Are We”, 1955), посвященной телесно-ментальной парадигме (соотношению тела и сознания), с которой Хаксли выступил в Храме Веданты, он задает, на первый взгляд, чисто физиологические вопросы: Как бьется мое сердце? Как я перевариваю пищу? Как я дышу? Очевидно, отвечает он, все эти действия проводит не сознательное я, а кто-то другой — тот, кто не совершит ошибки, если его «оставить в покое и не вмешиваться в его работу»⁶. На этом соображении, как справедливо считал Хаксли, основывается психосоматическая медицина, утверждающая, что дурные мысли, страхи и агрессия способны влиять на вегетативные процессы, а это может привести к серьезным психофизическим нарушениям.

Занятия восточной философией и психологией привели Хаксли к ревизии классической модели подсознания:

«Наша современная модель сознания — подсознание как подвал, сознание как первый этаж и одновременно непроницаемая крыша — не соответствует фактам. У индийцев более сложная модель: несколько дополнительных верхних этажей и без крыши. Нет непреодолимого препятствия между Атманом и Брахманом, и даже между духовным пространством нижних этажей и внешним духовным пространством»⁷.

Писателя особенно раздражало то, что единственное, чему психоаналитики уделяют внимание, — это «негативное» бессознательное, и то, что они оставляют невротика биться в путях дурного и болезненного прошлого, не позволяя ему находиться «здесь и сейчас». Кроме того, он был убежден, что следует признать наличие некоего позитивного подсознания, расположенного в более глубоком слое, под «негативным» подсознанием:

«...Когда мы спускаемся через подсознание, мы проходим через уровень (с ним обычно имеют дело психоаналитики), который преимущественно выявляет зло и отвечает за зло — можно назвать его уровнем Первородного Греха, и попадаем на более глубокий уровень Первородной Добродетели, покоя, просветления и озарения...»⁸.

Фрейд не был единственным, кто служил Олдосу Хаксли постоянной мишенью. Так, в статье «*Религия, наука, человек*» (*Religion, Science, and Man*, 1934) он критикует как дуалистические, так и монистические теории сознания, говоря, что модель, предложенная Декартом, не соответствует действительности, ибо проводит четкое разделение сознания и тела⁹. Хаксли оспаривал картезианскую концепцию человека до самого конца, вплоть до своего последнего публицистического текста «*Литература и наука*» (*Literature and Science*, 1963). Особенно подробно он излагал свои мысли о картезианстве в «*Луденских*

бесах» (*The Devils of Loudun*, 1952), где много рассуждал о ведущей роли психологических концепций в философии, религии, медицине и, главное, в человеческой судьбе.

Самое подробное описание того, как именно зрелый Олдос Хаксли представлял себе топографию сознания, наполнение и функцию различных его отделов (слоев, пластов, уровней и пр.), содержится в одном из писем 1940 г. Более исчерпывающих объяснений этой сферы своих психологических интересов писатель не предоставил ни в одном из своих сочинений. Это обстоятельство заставляет нас почти полностью привести соответствующую часть этого письма:

«<...> Существует прелюбопытная аналогия между безошибочностью, характерной для просвещенной личности, инстинктами низших животных и подсознательными психофизиологическими процессами, протекающими в теле человека. Похоже, имеет место своего рода развитие по спирали от бессознательного животного, через осознающего человека к тому, что, за невозможностью подобрать лучшее определение, можно обозначить как сверхсознательная духовность, которая имеет характеристики животного уровня, но преобразованные и проявленные на более высоком уровне. <...> Выражение „животная благодать“ может быть использовано для обозначения невероятно совершенной работы того, что Дриш называет энтелехией в наших телах, в нервной системе. Аналогично ей (животной благодати — *И. Г.*), на параллельной точке витка спирали, но выше, располагается духовная благодать. На противоположной стороне спирали располагается „человеческая благодать“, представленная в личности как вдохновение сугубо человеческими „идеалами“, или жертвование „идеалам“, „целям“ и тому подобному. Человеческая благодать — это *эрзац* духовной благодати — полностью разрушительный *эрзац*, ибо ошибочное восприятие человеческой благодати как реальной (а) мешает личности достичь уровня духовной благодати, даже если человек имеет о последней какое-то представление; (б) как правило, мешает действию животной благодати (наблюдения показывают, что люди, пребывающие в сильнейшем и при этом разрушительном нервном напряжении, с головой окунаются в политическую деятельность); (в) приводит к войнам, революциям и прочим широкомасштабным безумствам, заканчивающимся разрушением всех тех человеческих ценностей, служению которым изначально посвятил себя человек»¹⁰.

Подытожим: Хаксли соотносит уровни (слои сознания) с соответствующими витками эволюции, которые, в свою очередь, он соотносит с таким путем развития человека, который все более отдаляет его от животного мира. Это, к несчастью, сопровождается утратой «животной благодати», иными словами, способности к беспрепятственной адаптации и саморегуляции.

Уровни	Витки эволюции
1. Сверхсознательный	Духовная благодать
2. Сознательный (личностный)	Человеческая благодать
3. Бессознательный (животный)	Животная благодать

Аналогичная, но более запутанная картина присутствует и в рассуждениях Хаксли в главах «Природа основания» и «Личность, божественное воплощение» книги «*Вечная философия*» (*The Perennial Philosophy*, 1946). Здесь обращает на себя внимание предложенная им впервые (в таком виде) трактовка телесно-ментальной проблемы:

«На тело человека воздействует добро или зло в его разуме. Аналогично, существование в самом сердце творения безмятежности и доброй воли может рассматриваться

как одна из причин того, почему недуги этого мира, будучи хроническими, еще не стали смертельными»¹¹.

Как видно из «Вечной философии», Хаксли полагает, что природа человека складывается из трех составляющих: тела, сознания и души. Он ссылается на авторитетного ученого-парапсихолога Дж. Б. Райна, утверждавшего, что кроме сознания и тела есть что-то еще — внеличностный субстрат любого сознания. Дабы выполнить свое предназначение, психология и должна заниматься всеми тремя составляющими.

Весьма необычным является то, что Хаксли нисколько не сомневался: одни и те же явления можно описать и объяснить в рамках как теологии, так и научной психологии. Этим и объясняется весьма специфическая терминологическая система, с помощью которой Хаксли описывает феномены, структуру и топографию сознания.

В предисловии к «Вечной философии» Хаксли подчеркивает, какой части сознания посвящается его труд — «духовному не-я»: «Philosophia perennis... — психология, которая открывает в душе нечто родственное или даже тождественное Божественной Реальности»¹².

После опытов с мескалином, результатом которых стали трактаты «Двери восприятия» (*The Doors of Perception*, 1954) и «Рай и ад» (*Heaven and Hell*, 1956), и под влиянием парапсихологических увлечений Олдос Хаксли еще более усложнил описанную выше картину, включив в нее мир юнгианских архетипов и те таинственные глубины мистического, в которые способны проникнуть лишь избранные.

Топография сознания так сильно занимала Хаксли, что он продолжал придумывать новые схемы, образы, трактовки, стремясь к той полноте, которая позволила бы удовлетворительно ответить на множество волновавших его вопросов, касающихся теоретической психологии, самопознания, здоровья и болезни, души и тела, низменного и высокого, творческого и животного. Новую подробнейшую схему, напоминающую слоеный пирог, он предложил в знаменитой статье «Воспитание амфибии» (*The Education of the Amphibian*, 1956):

«Каждый человек — это сознательное я, но ниже, за порогом сознательного, каждый человек — это также не-я, или, точнее, он представляет собой пять-шесть сливающихся, но ясно различимых не-я. Есть... личностное, домашнее не-я — не-я привычек и обусловленных рефлексов, не-я заживо похороненных реакций на отдаленные во времени события и уже забытые слова; не-я раннего детства и гноящихся останков неотвязных воспоминаний. Это личностное не-я представляет собой область подсознания, с которой, как правило, имеет дело психиатрия. Затем есть не-я, которое ранее получило название вегетативной души или энтелехии. <...> Это не-я, которое с готовностью переварит даже донаты, не-я, залечивающее раны и восстанавливающее здоровье... Далее имеется не-я, проживающее в том мире, откуда мы черпаем озарение и вдохновение. <...> Ниже этого мира вдохновения лежит мир того, что Юнг назвал архетипами... Далее расположен мир визионерского опыта, где непостижимое не-я живет среди... общих «нечеловеческих» фактов. <...> И, наконец, есть... имманентное каждому ментальному или физическому событию всеобщее Не-Я, которое люди называли Святым Духом, Атманом-Брахманом, Чистым Светом, Таковостью»¹³.

Хаксли много и подробно рассуждает о различных теориях сознания и в курсе лекций «Положение человека» (*The Human Situation*, 1959), прочитанном в Калифорнийском университете Санта-Барбары. В лекции «Проблема природы человека» он рассказывает о том, как справлялись с психическими проблемами люди разных эпох и культур, приводит примеры очищающих психологические зажимы дионисийских оргий греков,

плясок корибантов и пр. Хаксли лично наблюдал танцы Макумба в Бразилии, эффект от которых приравнивал к шести месяцам, проведенным на кушетке психоаналитика. (Подобные психотерапевтические танцы он изобразил в романе «*Остров*» (*Island*, 1963), назвав их танцами Ракшасы.) Не забыл он в лекциях и о релаксационном воздействии гипноза.

В своем историческом экскурсе Хаксли рассматривает теории сознания в интерпретации Сократа, Платона, Д. Юма. Хаксли напоминает, что в отличие от Платона Аристотель говорил о триединстве души, состоящей из «рациональной души», или «Я», «вегетативной души» и «животной души». Последние две отвечают за физиологические процессы. Апеллируя к авторитету Аристотеля, Хаксли обосновывает собственный тезис о существовании отдельного «физиологического сознания».

В лекции «*Бессознательное*», посвященной телесно-ментальной парадигме, Хаксли описывает порочный круг, по которому протекает психосоматическое заболевание: «Тело разлаживается, нормальные психические процессы нарушаются. Это еще больше фрустрируется и, в свою очередь, мешает нормальному функционированию организма и так далее, бесконечно по этому порочному кругу...»¹⁴

Эти рассуждения наводят Хаксли на мысль об экспериментах И. П. Павлова с индуцированным неврозом, показавшим, что физически истощенный организм оказывается особо восприимчивым к невротизирующим факторам и внушению. Но самое интересное — это вывод, к которому приходит писатель: большая часть нашего отрицательного бессознательного обязана своим содержанием вначале механизму подавления, а затем — нежелательному обусловливанию. Это действительно оригинальная, даже революционная идея. Насколько нам известно, никто до Хаксли столь новаторским образом не объединял эти две не связанные между собой концепции формирования содержания бессознательного.

Психосоматическая терапия, следовательно, как справедливо заключает Хаксли, является генеральной уборкой памяти (безусловно, имеется в виду не активная память, а те события, что запрятаны в бессознательном). Какая же именно психотерапия представляется ему эффективной? Ответ находим здесь же: «Без сомнения, по-настоящему эффективная терапия воспользуется некоторыми методами религии в сочетании с различными методами анализа и абреакции для того, чтобы очистить память»¹⁵.

Телесно-психическая проблема также освещена им в исторической перспективе. Он рассказывает о тех психофизических классификациях, которые предложили Аристотель, Гиппократ, Гален, Леон Ростан, Кречмер, и, наконец, Шелдон. Вновь и вновь он повторяет, что главный грех фрейдизма и неотрейдизма состоит в том, что они полностью игнорируют корреляцию, существующую между физическим и психическим типами. В качестве примера он приводит цитату из книги правоверного фрейдиста Нормана Брауна «*Жизнь против смерти*» (*Life Against Death*, 1959), обвинявшего юнгианцев в том, что они предали забвению фрейдовский материализм ради психологии автономной души. Однако, скептически отмечает Хаксли, сами фрейдисты ограничиваются разговорами лишь о приключениях двух телесных отверстий — орального и анального. Эта, в целом, несправедливая инвектива повторена Хаксли в «*Острове*».

Среди известных ему авторов, так или иначе отдававших должное психосоматической проблеме, Хаксли особо выделял Эдмунда Джекобсона, чью книгу «*Последовательное расслабление*» (*Progressive Relaxation*, 1929) он неоднократно упоминает, и Джорджа Истабрукса, автора работы «*Будущее сознания*» (*The Future of the Human Mind*, 1961), считавшего,

что больного надо лечить «с обоих концов», т. е. как физически, так и психически.

Хаксли был знаком и с книгой психоаналитика Георга Гроддека «Неизвестное я» (*The Unknown Self*, 1929), в которой говорится: «Может показаться, что болезнь — лишь способ борьбы с непонятым, защита от невыносимого. <...> Каждая болезнь имеет определенный смысл для больного, она намеренна, она сознательно или бессознательно на что-то нацелена. <...> Всегда и при любых условиях болезнь — это стремление к матери, к доброй защитнице, стремление назад в детство»¹⁶.

Один из наиболее ценимых им психологов Курт Коффка отмечал в «*Принципах гештальт-психологии*» (*Principles of Gestalt Psychology*, 1935), что назначение психологии заключается в том, чтобы рассматривать существование во всей целостности. Психология должна указать путь, в конце которого наука повстречается с жизнью. «Следует помнить, что наше психологическое поле существует в реальном организме, который, в свою очередь, существует в географической среде»¹⁷.

Еще одна работа обратила на себя внимание Хаксли. Это книга «*Сам по себе врач вас не излечит*» Рольфа Александера (*The Doctor Alone Can't Cure You*, 1943), утверждавшего, что неосознанные процессы контролируются неким Инстинктивным Разумом¹⁸. Инстинктивный Разум «не рассуждает», однако может воспринимать суггестивные команды, полученные от рассудка. Р. Александер утверждал, что так можно установить контроль над своим Инстинктивным Разумом и вернуть его к нормальному функционированию, но прежде следует осознать, что вы сами за это отвечаете. Если Душа повелит исцелиться, исцеление наступит.

К концу жизни окрепло убеждение Хаксли, что глубинный центр подсознания, тот самый, что намного умнее *Эго*, содержит знание истинных ценностей. Он источник понимания добра и зла, подлинный источник гармонии и мудрости. Нельзя не заметить, что таким образом психологические рассуждения Олдоса Хаксли получают недвусмысленную теологическую окраску. Писатель, по-существу, уравнивает глубинный центр подсознания со Сверхсознанием. В таком случае человек в высшей точке своего развития становится, по крайней мере для самого себя, центром мироздания. Однако подняться на такой уровень он может лишь в результате осознания как комплекса неполноценности, так и мании величия.

Психологические рассуждения Хаксли оказались тесно связанными с его религиозными поисками. Свидетельством тому является письмо, адресованное его знаменитому брату, биологу Джулиану Хаксли, в котором он пишет:

«Разумная и реалистическая религия должна основываться на ряде психофизиологических операций, цель которых состоит в том, чтобы помочь индивидуумам как можно более полно использовать свои потенциальные возможности (обычно мы живем в четверть силы), глубже осознать себя для того, чтобы осознать Бессознательное (таково определение просветления у Судзуки) и в то же время, чтобы осознать других людей...»¹⁹.

¹ Huntington Library Archives. Grace Hubble's Biographical Memories. HUB 82. P. 13.

² Подробнее о содержании и эволюции интересов Хаксли к психологии см., например: Головачева И. В. Зачем писателю теория? (инструменты самопознания Олдоса Хаксли) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Вып. 4. Ч. I. 2007. С. 15–25.

³ Complete Essays of Aldous Huxley / Ed. S. Robert, B. and J. Sexton. Chicago, 2000. Vol. II. P. 196.

⁴ Ibid. P. 197.

⁵ Ibid. P. 259–273.

⁶ *Huxley A. Who Are We // Huxley and God: Essays on Religious Experience / Ed. J. H. Bridgeman. New York, 2003. P. 40–62.*

⁷ *Huxley A. Letters / Ed. G. Smith. New York; Evanston, 1969. P. 561.*

⁸ *Ibid. P. 635.*

⁹ *Huxley A. Religion, Science, and Man // Hearst. 1934. January 31. См. также в: Complete Essays... Vol. III. P. 162–163.*

¹⁰ *Huxley A. Letters... P. 449–450.*

¹¹ *Хаксли О. Вечная философия. М., 2004. С. 57.*

¹² *Там же. С. 7.*

¹³ *Complete Essays... Vol. 5. P. 196.*

¹⁴ *Huxley A. The Human Situation: Lectures at Santa Barbara, 1959 / Ed. P. Ferrucci. London, 1978. P. 155.*

¹⁵ *Ibid. P. 157.*

¹⁶ *Grodeck G. The Unknown Self. London, 1989. P. 45.*

¹⁷ *Koffka K. Principles of Gestalt Psychology. New York, 1935. P. 67–68.*

¹⁸ *Alexander R. The Doctor Alone Can't Cure You. Zephyr Cove, Lake Tahoe (Nevada), 1943. P. 64.*

¹⁹ *Huxley A. Letters... P. 827.*